

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: УТОПИЯ ИЛИ ЦЕЛЬ?

В апреле 2004 г. Фонд «Территория будущего» провел семинар, посвященный перспективам социального либерализма в современной России. На семинаре был представлен доклад «Социальный либерализм в России: утопия или цель?», подготовленный Александром Погорельским (председатель правления Фонда) и Дмитрием Шушаиным (креативный директор Фонда). На основе этого доклада авторы подготовили для «Логоса» две статьи.

АЛЕКСАНДР ПОГОРЕЛЬСКИЙ

Социальный либерализм: перспективы в России

Две модели — два человека

Поиск выхода из идеологического тупика, в котором оказалось российское общество после декабря 2003 г., заставляет обратиться к сравнительному анализу двух основных социально-экономических моделей, базирующихся на рыночных принципах.

Первая — это социально-рыночная модель, в которой (идеально, конечно) люди получают достойную заработную плату, не воруют, платят налоги, доверяют своему государству, пользуются государственной защитой своих прав и возможностей.

Вторая модель — та, в которой мы живем, — посттоталитарно-рыночная. В посттоталитарно-рыночном обществе люди получают за редким исключением небольшую зарплату, воруют (и даже когда получают большую зарплату, продолжают воровать). Это общество, где люди стараются, по возможности, уходить от уплаты налогов, не доверяют своему государству, пытаются войти в дружеские, коррупционные связи с чиновниками. Преимущества в конкурентной борьбе в такой системе дает не высокая эффективность бизнеса, а близость к власти.

Двум моделям — социально-рыночной и посттоталитарно-рыночной — соответствуют два разных типа человека, которые совершенно по-разному выстраивают свои отношения с государством.

В социально-рыночной модели человек в этих отношениях выглядит, по крайней мере, паритетно. Если гражданин платит налоги, соблюдает законы и правила общежития, он решительно отвергает всякое вторжение в

свою личную жизнь, считает себя в праве потребовать от чиновника должного исполнения государственных функций, спросить, на что расходуются уплаченные им налоги, какие ошибки и просчеты допущены в работе государственных служащих, в том числе самого высокого ранга.

Человек второго типа всегда не чист перед государством, всегда подвешен, старается подкупить чиновника или войти с ним в дружеские отношения. Общественная оценка человека в посттоталитарно-рыночном обществе дается по степени его адаптированности к условиям беззакония, когда коррупция и привластный бизнес процветают, а граждане облагаются дополнительной «серой данью». Причем посттоталитарный человек не признает своей вины ни за создание подобной системы, ни за свое участие в ее функционировании.

Именно такие люди, вынужденно приобретшие описанные неприятные черты, сформировали российский производительный класс, который — даже если речь идет о публичных персонах, — может быть назван «подпольным производительным классом».

Я рассматриваю этот класс достаточно широко, включая в него не только предпринимателей, но и чиновников, и политиков, которые сделали карьеру в девяностые годы. В силу той неразберихи в законодательстве, той практики, которая существовала в первые годы реформ, все эти люди сейчас находятся под ударом.

Практически любой чиновник, подписавший в то время десяток бумаг, любой предприниматель, совершивший тогда несколько сделок, могут быть подвергнуты преследованию. Грамотный юрист, получивший политический заказ, может отобрать собственность у любого предпринимателя, а его самого — отправить в тюрьму. В стране уже сложился самостоятельный бизнес по отъему собственности «законными методами». На основе подтасовки или подделки документов, путем подкупа судов и судебных приставов, под прикрытием купленных правоохранительных органов действуют команды юристов, близкие к криминалу. Их цель — отобрать собственность у «слабых». Слабых не в смысле уровня менеджмента или финансовых результатов компаний (скорее наоборот), а в смысле слабости коррупционных связей, слабости в применении аморальных методов ведения бизнеса. Эти «санитары леса», как они себя называют, «съедают» вовсе не экономически слабых, а именно ростки цивилизованного бизнеса в экономике.

Все это означает, что в *подвешенном состоянии находится целый класс*, который вследствие этого не может конституироваться, не может осознать свои общие интересы, не может легально финансировать политические партии.

Но это именно тот класс, усилиями которого создается основная масса прибавочного продукта страны. И именно этот класс, по моему мнению, будет выступать субъектом перехода от посттоталитарно-рыночной к социально-рыночной модели.

Консерватизм по-русски

Из тоталитарного общества большинство людей вышло без четких, а зачастую — без всяких моральных устоев. Коррупция и повсеместное нарушение

законов приобрели тотальный характер. В этих условиях возникли разные, не традиционные для нормального общества, виды бизнеса: бизнес при власти — как при исполнительной, так и при законодательной, бизнес, связанный с судебной системой, с охраной и безопасностью, религиозный бизнес, бизнес по интеллектуальному и пиаровскому обслуживанию и так далее. Все эти бизнесы, по крайней мере, частично, носят теневой, то есть «серый» или даже «черный» характер.

Разложение проникло не только в государственный аппарат. Несколько утрируя, можно сказать, что и в крупных корпорациях зачастую воруют все — от топ-менеджеров до дворников. Причем хозяева прекрасно понимают это, но смирились с таким положением. Чтобы не взрывать ситуацию, они считают, что просто существует некий серый бонус, который получают их сотрудники. Известны случаи, когда хозяева пытались изменить эту систему (а сломать ее технически возможно), но это приводило к длительной остановке, а иногда — и к краху компании. Оказалось, что без некоторой смазки механизмы управления не работают.

При этом тотальная коррупционная система не только существует, но и самовоспроизводится. Приглашение на ведущие должности в крупных компаниях иностранных специалистов, то есть людей с совершенно другим менталитетом, зачастую приводит к тому, что гастарбайтеры усваивают правила игры на местном рынке и участвуют в коррупционной деятельности с не меньшим увлечением, чем русские. Я знал одного иностранца, работавшего в России, который без акцента по-русски произносил лишь одно слово — «откат».

Люди, которые отказываются играть по правилам системы, изгоняются из нее. Известен подход олигархов, практиковавшийся в девяностые годы: «Если мы не можем купить чиновника, мы вкладываем деньги в то, чтобы его убрать».

Система выстроилась и конституировалась. Коррупция приобрела системообразующий характер, и работа социально-экономического механизма, в котором мы сегодня существуем, без нее практически невозможна.

Такова посттоталитарно-рыночная модель — ее российский вариант. Ответственность за формирование этой системы несет, в первую очередь, советская элита периода упадка: общество основанное на лжи породило массовую деморализацию людей.

Свой вклад в сложившуюся ситуацию внесли и реформаторы первой половины девяностых годов. При этом мы не склонны недооценивать их роль в переходе России в новое качество: именно благодаря их действиям страна получила первые уроки существования в рыночной среде и приобрела шанс двинуться дальше по пути модернизации.

Но либеральная идея была понята российскими реформаторами слишком буквально и реализована в радикальной форме. В результате главный принцип либерализма — минимальное вмешательство государства в экономику — был подменен практическим его самоустранением не только в экономике, но и в других сферах жизни — прежде всего, в социальной.

Основная масса населения оказалась не только лицом к лицу с групповым эгоизмом новых предпринимателей, но и с равнодушием отвернувшегося от их проблем государства. Для общества в целом это обернулось:

- резким сокращением социальных трат государства, деградацией государственной системы здравоохранения, образования, социального обеспечения;
- широкой коммерциализацией социальной сферы;
- ростом преступности и криминализацией всех сторон общественной жизни, в том числе и органов власти;
- региональными диспропорциями в экономической и социальной сферах;
- депрофессионализацией значительной части населения вследствие стихийной реструктуризации российской экономики в сторону упрощения;
- дефицитом эффективных, и высокооплачиваемых рабочих мест;
- сильным имущественным расслоением и массовым обнищанием большей части населения, снижением его покупательной способности и как следствие сужением внутреннего потребительского рынка, который в классической либеральной экономической модели и является главной базой саморазвития национальной экономики.

Вполне логично, что российское общество в основной своей массе с ужасом отшатнулось от специфической модели русского либерализма.

Главной же неудачей реформаторов стало то, что они не смогли донести до населения суть предстоящих перемен: никто не объяснял больному, что лечение будет тяжелым и мучительным. Вместе с тем, преимущества в жизни людей, принесенные либерализацией, стали как бы сами собой разумеющимися и совершенно не ценятся основной массой населения¹.

Противники либерализма так и не обрели собственной идеологии. Еще летом 2003 года «Единая Россия» называла себя консервативной партией, но при этом, по ее собственному признанию, сама не очень понимала, какой смысл вкладывается в это понятие:

Идеология у нас есть – консерватизм. Но эта идеология не вербализована, мы не знаем, какие писатели нам наиболее близки, какие политические деятели являются нашими идеалами (В. Сурков).

Одновременно, судя по заявлениям и реальной линии, проводимой «Единой Россией», консерватизм по-русски сулит возврат к традиционному для России централизму, к усилению влияния государства на все стороны жизни общества, включая, в первую очередь, экономику. Усиление государства происходит путем увеличения властных полномочий вплоть до прямого вмешательства в дела крупных компаний. Консерватизм в такой трактовке означает не консервацию сегодняшнего положения, а откат назад (*регрессизм*).

Консерватизм по-русски пытаются внедрять в обществе с экономикой, которая слишком слаба для того, чтобы кормить не только разбухающий, несмотря на все заявления об административной реформе, государственный аппарат, но и множество бедных. У российских «консерваторов» основной акцент делается не на развитие экономики, а на перераспределение того немногочисленного, что уже накоплено и удалось сохранить.

Перераспределение получаемых доходов прямыми административными мерами, а не создание условий для роста национальной экономики и увели-

¹ См. об этом в статье А. Левкина, опубликованной в этом номере журнала.

чения на этой основе средств на социальные нужды, — главная тенденция нынешней стадии экономической политики российских властей.

Силовики во власти

Советскую элиту составляли четыре основные группы, это: «крепкие хозяйственники», партийные функционеры, чиновники и «силовики». Судьба этих четырех групп в постреформенное время сложилась по-разному.

Крепкие хозяйственники отлично вписались в новую систему, вытеснили из власти и бизнеса демократов-романтиков первой волны и прекрасно себя чувствуют.

Чиновники частично были рассеяны, затем консолидировались и стали обслуживать новых хозяев, перенеся в новый аппарат все недостатки аппарата старого.

Партийные функционеры пересели в кресла губернаторов, составили основную массу региональной элиты, пополнили ряды оппозиции на федеральном уровне, причем в условиях противостояния властей это место тоже было достаточно «хлебным».

Наиболее печально на этом этапе сложилась судьба «силовики». В советской системе они никогда не играли самостоятельной политической роли. Даже в период избиения партийных кадров в 1937-1938 годах они, в конечном итоге, лишь выполняли заказы политиков. Но, тем не менее, это была некая замкнутая каста, у которой воспитывалось ощущение собственной исключительности, универсальности, причастности к тайне. И вот эти люди оказались перед лицом очень тяжелого выбора: к кому идти на службу? Либо к криминалу, что и происходило в массовом масштабе, либо к олигархам, чьи методы на этапе первоначального накопления не слишком отличались от методов их криминальных оппонентов.

В результате у силовиков накапливалось чувство обиды и жажда социального реванша. Помогая зарабатывать деньги другим, они вынуждены были довольствоваться остатками того пирога, который делился их хозяевами. Часть из них осталась во власти и ждала своего часа, который, по всей видимости, и настал.

Самое главное в сегодняшней ситуации заключается в том, что силовики пришли не для того, чтобы изменить посттоталитарно-рыночную модель. В этой модели им нравится всё, кроме имен олигархов. Как только они поставят своих ставленников на место олигархов или (что сегодня происходит) заставят олигархов работать на себя, они станут самыми ярыми сторонниками существующей системы. Главная цель силовиков на сегодняшний день — это передел собственности и контроль над денежными потоками.

Приход силовиков к власти, на мой взгляд, должен сыграть важную историческую роль. Именно они призваны довести посттоталитарно-рыночную модель до ее логического конца, показать ее бесперспективность, тупиковый характер — то, что она ведет к деградации общества и составляет серьезную угрозу самому существованию страны.

Социальный либерализм: очертания системы

Для понимания сущности социального либерализма важны несколько положений.

Либерализм как реальный социально-экономический механизм — система чрезвычайно жестокая, он объективно ставит людей в положение борьбы за существование, выживание в сложных условиях. Это, с одной стороны, создает действенные стимулы к труду и успешному предпринимательству, а с другой — формирует слой неудачников (лузеров), которые не смогли вписаться в действующую систему.

Очевидно, что либеральный механизм работает эффективно только при наличии реальной конкурентной среды, защиты прав собственности, действенной судебной и правоохранительной системы. Общество, где успех в бизнесе определяется не реальной эффективностью, а близостью к власти, обречено на застой.

Вместе с тем (и этот путь в свое время прошла элита во всех развитых странах), оказалось, что пренебрежение интересами «слабых» членов общества, безоглядная погоня за успехом, выраженным в деньгах, подрывает базу этого успеха, поскольку стимулирует сопротивление со стороны «слабых», которые, получив контроль над государственными и общественными институтами могут стать «сильными», но уже в другом смысле слова.

В либеральном обществе должна произойти замена государственного патернализма *социальным партнерством*, способствующим преодолению неприязни между богатыми и бедными.

Суть социального партнерства состоит в том, что усилия предпринимателей сосредотачиваются на создании эффективных рабочих мест и расширении на этой основе массовой покупательной способности населения. В итоге растет жизненный уровень всех слоев населения. По достижениям на этом поприще формируется общественная оценка предпринимателя, определяется мера его жизненного успеха. Не менее важна и обратная связь — выросшая покупательная способность населения формирует, в свою очередь, условия для расширения производства и соответствующего роста предпринимательской активности.

Система социального партнерства предполагает также *открытость элит*, создание условий для вертикальной мобильности. Способной молодежи из разных слоев населения должен быть предоставлен шанс на хорошее образование и продвижение по социальной лестнице. Общество, в свою очередь, заинтересовано в том, чтобы элита не была закрытой кастой, имеющей тенденцию к загниванию, а постоянно обновлялась за счет талантливых представителей всех слоев населения.

Высокая эффективность предпринимательской и трудовой активности позволяет *обеспечить достойный уровень жизни* людей, которые без их собственной вины (старость, болезни, увечья, сиротство и т.д.) не могут принимать активного участия в процессе общественного производства. Спецификой России является включение в эту группу также и бюджетников.

Реализация системы социального либерализма требует активного участия всего общества и государства. Социально-либеральной модели соответ-

ствует *компактное, дешевое и эффективно работающее государство*, постоянно снижающее налоговое бремя, обеспечивающее свободную конкуренцию, ведущую борьбу с любого рода привилегиями и монополизмом. Ведущие функции государства в обществе социального либерализма — это контроль за соблюдением законности, защита от внешней угрозы, в том числе от мирового терроризма, проведение общей экономической, кредитной, налоговой политики, контроль за секторами экономики, где условия свободной конкуренции неосуществимы. Ответственность за качество жизни на местах должно быть переложено на элиту нижнего уровня (администраторов, предпринимателей, интеллигенцию), конкретного района, города, поселения.

Таковы главные черты социально-либеральной модели.

В чем отличие социального либерализма от *либерализма классического*? Главное отличие состоит в том, что социальный либерализм, на мой взгляд, — это умный либерализм. Предприниматели и государственные деятели, исповедующие социальный либерализм, просчитывают ситуацию на много шагов вперед: не стремятся получить все деньги немедленно, а озабочены созданием эффективных рабочих мест, развитием внутреннего рынка, созданием нормальных условий для жизни своих работников и незащищенных слоев населения.

Отличие социального либерализма от *концепций социалистического толка* состоит в том, что социальный либерализм, в первую очередь, делает акцент не на патернализме — то есть, раздаче всякого рода социальных пособий, а на создании условий для нормальной работы на себя и свою семью. Прежде всего — на создании привлекательных рабочих мест, позволяющих дееспособным людям самим себя обеспечивать.

Отличия есть и от *этатизма*, потому что как только мы добавляем к слову «либерализм» прилагательное «социальный», первое, что приходит в голову большинству людей, это то, что речь идет об усилении роли государства. Но то государство, которое сложилось у нас сейчас, на мой взгляд, не способно эффективно исполнять функции, которые государство (в первую очередь, в социальной сфере) традиционно принимает на себя в других странах. Сегодня большинство чиновников, занимающих государственные должности в российском государстве, ставят перед собой задачи далекие от предписанной им социальной функции. Поэтому социальный либерализм делает ставку не на государство, а на общество, на стимулирование участия в этих преобразованиях всех слоев населения. В этом смысле речь идет об *общественном либерализме*.

Перспективы социального либерализма

На первый взгляд, идея перехода России к социально-либеральной модели достаточно утопична. Но на самом деле даже в нынешней непростой ситуации существует большой спектр возможностей для такого перехода, по крайней мере, некоторые «точки роста» этой системы.

Кажется, что сегодня власть интересуется все, что угодно, только не социальный либерализм. Но если внимательно приглядеться к программам, разрабатываемым экономическим блоком правительства, многое, из того, что

можно отнести к развитию социально-либеральной модели, в них уже содержится. По всей видимости, это результат деятельности некой достаточно узкой группы либералов во власти, но она имеет эффект.

Постепенно популярность приобретает фундаментальная идея преодоления социально-экономической отсталости страны на основе реализации осмысленного набора программ общероссийского уровня, направленных на развитие внутреннего рынка. Это близко к тому, что делалось в США при Франклинe Рузвельте. Среди них, например, программа, аналог которой был осуществлен в те годы в США, — «Дом для каждого». Такая программа хорошо согласуется с жизненными планами большинства людей и помогает создать значительное количество рабочих мест. Это также программы дорожного строительства, развития образования и другие программы, нацеленные на создание тех благ, ради которых большая часть населения готова прикладывать сверхусилия, работать со сверхнапряжением.

Таким образом, нельзя исключать из социально-либерального контекста сегодняшнюю власть, несмотря на все ее особенности.

Если предположить другой, более пессимистичный сценарий, социальный либерализм может стать некой идейной почвой, на которой будет формироваться программа оппозиции.

Это особенно важно в силу того, что социальный либерализм показал себя в ряде случаев (США — 1929 г., Германии — 1946 г.) эффективной посткризисной технологией переустройства общества². Данный механизм может быть востребован как программа действий после краха посттоталитарно-рыночной модели или как некое направление, в котором последняя будет изменяться.

Очень важный потенциал социального либерализма содержится в регионах, в тех ячейках, где реально решаются насущные жизненные вопросы. С этой точки зрения интересны работы Вячеслава Глазычева, описывающие самоуправление и ростки гражданского общества в российской провинции, на уровне муниципальных образований: когда местная элита — т.е. администрация, предприниматели, местная интеллигенция, — понимая, что за них никто этого не сделает, сообща решают насущные вопросы. Возможно, именно здесь самый главный потенциал социального либерализма как системы, развивающейся снизу.

Когда мы говорим, допустим, об общественных дорожных фондах, а на практике несколько человек, имеющие дачи рядом друг с другом, скидываются на дорогу до автострады, то это не только самый простой пример общественного дорожного фонда, но точка роста социального либерализма.

Для перехода российского общества от посттоталитарной к социальной-либеральной модели очень важно, чтобы идеи и ценности социального либерализма потихоньку превращались в модели массового социального поведения. На всех этапах развития в разных странах существовали некие эталоны поведения, образа и стиля жизни. Например, в позапрошлом веке в Великобритании это был джентльмен, в Средние века в Европе — рыцарь и так далее. Эпоха дикого капитализма в России тоже выработала такой образец

² См. статью Дмитрия Шушарина в настоящем номере журнала.

для подражания. Это был образ «крутого», или «нового русского». Сначала этот персонаж должен был ездить на «Мерседесе», носить красный пиджак, золотую цепь и дружить с прокурором, потом стал одеваться от Версаче и ходить на концерты Розенбаума, некоторое время этот образ увлекал часть молодежи и составлял поведенческий ориентир переходного периода.

В последнее время персонаж потускнел, надоел обществу, и приходит пора другого эталона поведения. Таких эталонов может быть много, но мы рискуем утверждать, что сегодня становится модно быть умным — образ, который можно пропагандировать: умный читает такие-то книги, посещает такие-то семинары, вот так проводит отпуск, так ведет себя по отношению к женщинам, к партнерам и так далее. Естественно, возникает вопрос: если ты такой умный, то почему ты не богатый? И тут мы переходим к пропаганде хороших бизнес-школ, перспективных направлений инвестирования и т.п. Идея мне кажется достаточно привлекательной: хотя в России всегда не любили умных, но каждый при этом старался им быть.

Другой потенциальный резерв социального либерализма — это так называемая новая экономика, порожденная новейшими информационными технологиями. Она формирует совершенно нового работника — человека высокоинтеллектуального творческого труда. А успешно создавать и осваивать новые технологии могут, прежде всего, люди свободные, не стесненные тоталитарным прессом, не подавленные страхом, имеющие доступ к разнородным источникам информации по всему миру.

Серьезным потенциалом социального либерализма является развитие левого движения, находящегося ныне на подъеме. При всей разнородности и противоречивости левого общественно-политического фланга наиболее продвинутые его представители (Илья Пономарев, Борис Кагарлицкий) сознательно выбрали роль конструктивного провокатора, напоминая обществу о самом существовании общественной и политической деятельности, о проблемах свободы личности, попрания прав социально незащищенных слоев населения.

Вероятность перехода России к социально-либеральной модели можно оценить, исходя из анализа вариантов развития нынешней социально-экономической и политической ситуации. В настоящее время, по нашему мнению, возможны три сценария.

Первый — посттоталитарный. Олигархи ставят на службу силовикам, захватившим государство или заменяются их ставленниками. Собственность перераспределяется в пользу «новой силы». Население успокаивается за счет дешевых, но эффективных мер. Малый и средний бизнес облагаются «серой данью». Делается все, чтобы сохранить позитивный имидж власти за рубежом.

Второй — национал-социализм. В него может перерасти и первая модель. Как средство отвлечения народа от насущных проблем практикуется разжигание ненависти к инородцам. Происходит усиление репрессивных функций государства. Проводится национализация как средство концентрации денежных потоков. Все это сопровождается нарастанием внешней агрессивности, международной изоляцией, в перспективе заканчивается национальной катастрофой.

И третий – социальный либерализм.

Разумеется, в один день или даже год переместиться из нашей ситуации в «светлое социально-либеральное будущее» невозможно. Но этот переход могут стимулировать две группы побудительных мотивов.

Первая – внутренняя. У людей, которые составляют подпольный класс, а также в других слоях общества накапливается отвращение к той жизни, которой они живут: это не жизнь, а унижительное выживание. Представители подпольного класса начинают понимать, что именно безответственность элиты привела к контрастному наступлению силовиков, а в дальнейшем может привести и к более пагубным последствиям для страны.

Другие побудительные мотивы связаны с внешним воздействием, что происходило в России не раз. Если рассмотреть, например, ситуацию отмены крепостного права, ясно, что серьезных внутренних побуждений к его отмене в России не было. Но высшая власть вынуждена была пойти на этот шаг на фоне очевидного ослабления позиций страны на внешнеполитической арене. То же, по всей видимости, может произойти и на этот раз. Трансформация, возможно, станет результатом внутреннего кризиса, спровоцированного внешними факторами.

Наиболее ожидаемый сценарий – это падение цен на нефть и энергоносители, начиная с 2006 года. Но есть и другие сценарии – например, обострение антитеррористической борьбы, которая в результате может привести к свертыванию демократических свобод, к переходу к другим, более жестким, социально-экономическим моделям, в том числе – национал-социалистической. В этом случае может произойти отторжение России от внешнего мира – тогда кризис станет неизбежным.